

УДК: 165.2 001.5

DOI: 10.15372/PS20250511

END: VJEKYS

А.Б. Аникина

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ИСТОРИЯ КОГНИТИВНОЙ НАУКОЙ?¹

В статье рассматриваются возможные основания для оценки достоверности различных исторических нарративов. Поиск таких оснований ведется через помещение истории в контекст когнитивных наук, начиная с вопроса, проявляется ли специфика исторического познания на уровне когнитивных процессов. Выдвигается предположение, что нарративные конструкции – это результат развития способности мышления репрезентировать процессы. С опорой на идеи эволюционной эпистемологии, в рамках которой познание понимается как способ повышения приспособленности организмов к изменяющимся условиям, история рассмотрена в качестве способности социальных субъектов репрезентировать процессы в целях большей предсказуемости результатов своих действий.

Ключевые слова: нарратив, когнитивные науки, теория исторического познания, эволюционная эпистемология, постнеклассическая парадигма.

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01698 «История в контексте когнитивных наук».

A.B. Anikina**IS HISTORY A COGNITIVE SCIENCE?**

This article examines possible foundations for assessing the credibility of various historical narratives. The search for such foundations is conducted by placing history within the context of cognitive science, beginning with the question of whether the specificity of historical knowledge manifests itself at the level of cognitive processes. It is proposed that narrative constructions are the result of the development of the mind's ability to represent processes. Drawing on ideas from evolutionary epistemology, which understands cognition as a means of increasing organisms' adaptability to changing conditions, history is examined as the ability of social actors to represent processes in order to increase the predictability of their actions.

Keywords: narrative, cognitive science, theory of historical knowledge, evolutionary epistemology, post-nonclassical paradigm.

Постановка проблемы

Проблема достоверности наших представлений о прошлом сегодня приобрела без преувеличения жизненно важное значение. Не имея возможности договориться о том, чья интерпретация событий более справедлива, государства и общества обращаются к традиционному методу выяснения своей правоты «кто сильнее, тот и прав». Можно предположить, что такое положение вещей является продолжением неразрешенного кризиса в научном сообществе. Этот кризис уже многократно описан и обозначен. Однако в силу того, что разные авторы акцентируют разные аспекты, нам придется обозначить еще раз, что имеется ввиду в данной статье.

Первая оппозиция, раскалывающая поле исследований прошлого – это противопоставление истории как исключительно нарратива и ненарративной «научной» истории. Несмотря на множество исследований, показывающих, что суть истории – это выстраивание нарративов на имеющихся у нас данных, остаются ученые и научные школы, полагающие, что возможно найти такой

научный инструментарий для истории, который будет свободен от нарративных интерпретаций.

Ситуация осложняется тем, что ряд исследователей называет историческим или историографическим поворотом. К истории сегодня, помимо традиционных сфер науки, образования и художественной литературы, обращаются везде – в государственной политике, в популярных сериалах, в подкастах и публикациях блогеров, в компьютерных и настольных играх и даже в судебных разбирательствах. В связи с этим в данной статье понятие «история» берется в самом широком смысле – как все виды обращения к прошлому¹. С одной стороны, это выглядит противоречиво – разве можно ставить на одну доску учебник истории или научную монографию и, допустим, сериал «Викинги»? Однако одна из задач данной работы заключается именно в том, чтобы найти место представлений о прошлом в наших познавательных процессах в целом, независимо от того, в какой форме они происходят. Конкретные отличия и функции разных способов репрезентации этих представлений остаются за рамками данной статьи. В данном случае важно, что все они организованы нарративно.

Острота противопоставления нарративной и ненарративной истории связана с трактовкой самого понятия «нарратив». Здесь тоже имеет место оппозиция: нарратив понимается исключительно как вымысел vs нарратив как мыслительная конструкция, позволяющая анализировать разнообразный жизненный опыт [1].

Таким образом можно выделить две крайние позиции.

1. История – это просто рассказ о прошлом, одни и те же события и факты можно «упаковать» в разные нарративы, но возможностей доказать, какой рассказ правдивее – нет, нарративы

---

¹ Базовые смыслы понятия «история»: 1) как синоним прошлого вообще, событий, которые когда-то произошли; 2) как рассказ об этих событиях (история Франции, история политических учений и проч.); 3) как наука, исследующая следы прошлого и предоставляющая обществу рассказы о прошлом, имеющие приоритетную претензию на достоверность. Хотя в данной статье нас интересуют в первую очередь основания претензий исторической науки на достоверность, но два других смысла присутствуют, как неотъемлемые предпосылки возможности исторической науки.

несоизмеримы. Научное сообщество пытается повышать их точность через совершенствование научного инструментария, методов анализа источников. Однако сложность научных методов не транслируется в более широкое сообщество потребителей информации о прошлом, что приводит к распространению упрощенных представлений, что нарратив – это всегда ангажированный рассказ, представляющий события так, как это нужно кому-то для определенных целей.

2. Более радикальная позиция научного сообщества противостоит вышеописанной через поиски ненарративной истории. Однако эти поиски довольно слабо обоснованы теоретически с точки зрения предоставления связной картины прошлого. В рамках таких подходов история распадается на набор установленных фактов, которые мало что могут сказать сами по себе. Такая научная история не может быть использована широкой общественностью, теми, кому понимание прошлого нужно в практической деятельности. Обществу важны не факты прошлого сами по себе, а их значение («что это значит?»), что так или иначе предполагает интерпретацию, связывание событий с их последствиями – что и обеспечивают нарративные структуры. По словам В.Н. Сырова «благодаря трудам ... нарративистски ориентированных авторов становилось возможным в целом рассматривать историю как одну из форм наррации, а нарративизацию – как общий способ превращения прошлого в историю» [2].

Но если нарратив не имеет познавательного значения, то за пределами научного сообщества такой подход приводит обратно к первой позиции – можно достоверные факты составить, как угодно, получив удобную картину.

Однако формируется и третья позиция. Многие исследователи, признающие неустранимость нарративной организации истории, обращают внимание, что упрощенное понимание нарратива как «всего лишь» рассказа представляется несостоятельным в силу новых данных лингвистических, социальных, когнитивных и других исследований. Противоречие может быть устранено, если обратиться к пониманию нарратива, разработанному в рамках когнитивной нарратологии.

Нарратив как когнитивный инструмент

Отправной точкой рассуждений стала концепция нарратива как способа помыслить (артикулировать) время предложенная Полем Рикёром в работе «Время и рассказ» [Рикёр, 2000] в соединении с подходом А. Данто о неустранимости нарративной связности именно для исторических наук: «Различие между историей и наукой состоит не в том, что история использует, а наука не использует организующих схем, выходящих за пределы данного. Их использует и та и другая. Разница заключается в том, какого вида организующие схемы они используют. История рассказывает истории» [3; 109].

В книге «Память, история, забвение» Рикёр также развил идею нарративной конфигурации исторического повествования, в том смысле, что нарративная форма несет в себе познавательную функцию: «при литературной записи истории нарративность присоединяет свои способы интеллигибельности к способам объяснения/понимания; в свою очередь, фигуры стиля оказываются фигурами мысли, способными добавить к читабельности, свойственной рассказам, собственные возможности показа» [4; 389].

Рикёр предлагает механизм, посредством которого осуществляется нарративная связность, который он называет миметическим кругом или тройственным мимесисом, описанный им еще в работе «Время и рассказ». Попытка рассмотреть этот механизм не как аналитическую категорию, а именно как работающий инструмент [5] привели к пониманию, что тройственный мимесис описывает не какое-то предзаданное свойство мышления, а развивающуюся способность к репрезентации процессов, развивающуюся на уровне конкретного индивида и на уровне человеческой культуры в целом.

Большим достоинством концепции тройственного мимесиса является разложение нашей способности репрезентации процессов на воспринимаемые статичные элементы и организующие (конфигуративные) схемы¹. Следует отметить, что статичными

---

¹ Рикёр не употреблял такого термина как «конфигуративная схема», он писал о способах объяснения/понимания. Такой термин мы взяли на себя смелость ввести, опираясь на понятие Верча «нарративный шаблон» [Верч, 2018].

конфигурируемые элементы можно назвать лишь условно: в процессе мимесиса они могут менять свое значение, но в целях анализа процесс этот как бы останавливается, подобно раскадровке видео. Схожий принцип имеется и в восприятии движения: зрение фиксирует положение определенных вещей в разные моменты времени (точки), а мозг достраивает по этим точкам траектории, опираясь на имеющийся опыт. Этот принцип реализуется не только при непосредственном восприятии, но он лежит в основе способности предугадать, куда приземлится прыгнувший хищник, или где окажется автомобиль, если продолжит двигаться с той же скоростью и в том же направлении, и как эти параметры нужно изменить, чтобы избежать столкновения.

Если рассмотреть проблемы познания прошлого в ряду общих представлений о познании окружающего нас мира в целом, то можно задаться вопросом, проявляется ли на уровне конкретных познавательных процессов та специфика истории, которая приписывалась ей на протяжении многих лет? С позиций современных представлений о когнитивных процессах можно утверждать, что такой специфика нет. Изучение физических явлений и изучение событий прошлого ничем не отличаются (в данном контексте): физические явления, как и весь окружающий мир не даны нам непосредственно, но только посредством наших органов чувств. Современные экономические процессы так же не даны нам непосредственно, как и экономические процессы прошлого, но реконструируются учеными и экспертами по определенным показателям. Как это, собственно, и происходит с такими физическими процессами как движение планет или элементарных частиц.

Это согласуется с утверждением Данто, что и история, и наука используют «организующие схемы, выходящие за пределы данного». Следует отметить, что под понятие такой «организующей схемы» подходят не только наука и нарративы, но и, например, мифы. Уже Тайлор трактовал миф как наивный способ объяснения окружающих явлений. Леви-Брюль выдвинул гипотезу о «пралогическом» мышлении, опирающемся на магическую взаимосвязь вещей, которая, впрочем, много критиковалось. Но если предположить, что мифы, нарративы, охватывающие законы – это звенья одной цепи эволюции организующих схем, то та-

кой подход выглядит более убедительно. Скорее есть смысл говорить не о поступательном движении между указанными схемами, а о «ветвях одного куста» эволюции, разных принципах выявления взаимосвязей между явлениями, до сих пор конкурирующих между собой. То есть, у них одно основание (один ствол, в данной метафоре) – а именно наши способности к восприятию физического мира, но они предлагают разные организующие схемы, построенные на разных принципах. Такой подход объясняет с одной стороны определенную преемственность в развитии объяснительных схем, а с другой – их независимую друг от друга вариативность.

Важный момент состоит в том, что хотя эти схемы являются результатом работы воображения и представляют собой умозрительные объекты, но они имеют конкретную связь с физическим миром: связи между явлениями в этих объяснительных схемах зависят от реальных свойств объектов «внешнего» мира. Даже мифологические объяснения, при всей их нереалистичности не являются совершенно произвольными и отражают те свойства объектов, которые были доступны и значимы в то время¹. В ходе развития культуры мышление эволюционирует, повышая адекватность интерпретационных схем в виде охватывающих законов, нарративных шаблонов и художественных приемов. И одной из значимых линий этой эволюции является развитие способов передачи процессов, протяженных не только в пространстве, но и во времени, то есть, способность связать между собой разные (часто, очень разнородные) явления в последовательность, оказывающуюся разными проявлениями одного явления.

Обратимся к примеру развития научных объяснительных схем, и в этой связи можно рассмотреть концепцию смены научных парадигм, предложенную Степиным. В ней тоже прослеживается этот принцип развития объяснительных схем в связи с усложнением понимания свойств объектов: классическая рациональность ориентирована на освоение одноуровневых простых

---

¹ Яркий пример дает скандинавская мифология, а именно образ сотворения мира из тела убитого великана: «Имира плоть стала землей, стали кости горами, небом стал череп холодного турса, а кровь его морем». Очевидно, что здесь есть некоторая логика, связанная со свойствами объектов: череп не стал горами, а кровь – сушей.

систем, опираясь на линейные механистические процессы; неклассическая – многоуровневых и многофакторных систем, опираясь уже на нелинейную динамику; постнеклассическая – на освоение сложных саморазвивающихся систем, выстраивая уже понимание «автопоэтических» процессов (autopoiesis от греческих слов autos – «само» и poiesis – «достраивание») [6]. Стоит отметить, что имеются ввиду не разные типы систем, в реальном мире существующие отдельно друг от друга, а усложнение нашего понимания самого феномена системы и мира, как эволюции системы в сторону большего ее усложнения. То, что имеется ввиду, хорошо описано в книге Турчина «Феномен науки»: «Если у вас есть некоторая исходная кибернетическая система (амеба, человек, общество и т.п.), то метасистемный переход – это переход к некоторой другой системе, включающей в себя множество систем типа исходной» [7; 9].

Кажется вполне обоснованным предположить, что способность человека проследить взаимосвязь событий является развитием когнитивных способностей к восприятию процессов и системных связей в физическом мире. Если согласно современной когнитивной науке всякие представления о внешнем мире имеют физический носитель – сначала органы зрения фиксируют воздействие на них световых волн, затем нейроны передают импульсы в мозг, там складывается некая сеть связей нейронных отростков, которая активизируется, когда мы думаем об этом объекте в последующем, уже не воспринимая его непосредственно, – значит и историческое познание должно каким-то образом укладываться в эту схему.

Эволюционная эпистемология

По мере накопления знаний о различных процессах, составляющих наш мир (движение галактик, циклы изменения климата, закономерности эволюции, экономическая динамика, режимные трансформации в политологии и проч.) становится наглядно видно, что многие процессы в совершенно разных областях знания в разных средах/системах имеют общие паттерны описания.

Наиболее очевидным примером являются волны, которые описывают процессы в разных физических средах, в экономике, в популяционной динамике. Другим примером можно считать принципы эволюционного отбора: многочисленные изменения (случайные или целерациональный поиск творческого субъекта) с последующим отбором тех, которые повышают приспособленность носителя изменений. Этот принцип можно наблюдать не только в живой природе, но в экономической конкуренции, развитии культурных инноваций и научных теорий¹. Основополагающие свойства систем так же реализуются по одним и тем же принципам, независимо от объектов/субъектов, составляющих систему [7].

Описанные паттерны процессов подходят под понятие объективно существующих принципов, структурирующих реальность, постулируемых Фоллмером. Это в высшей степени абстрактные феномены, сами по себе недоступные наблюдению, но познаваемые за счет нашей способности удерживать в представлении разрозненные явления и провести между ними воображаемую связь. А затем проверить эту связь на поведении реальных объектов, если это возможно, или продолжая моделировать ситуации в воображении. Здесь можно согласиться с некоторыми положениями эволюционной эпистемологии в изложении Поппера: «Можно сказать: от амебы до Эйнштейна всего лишь один шаг. Оба действуют методом предположительных проб и устранения ошибок. ... Главная разница между амемой и Эйнштейном в способе устранения ошибок» [8; 111]. Поппер полагает, что «гипотезы» амебы являются «частью организма амебы», а человек может «вывести гипотезы из своего организма» [8; 111] с помощью языка. Однако для предлагаемой здесь идеи не важно, происходит это с помощью языка или нет, мы опираемся на концепцию познавательных процессов Л.М. Веккера, который предполагал способность к формированию представлений на основе ощущений

---

¹ Так на сакраментальный вопрос, почему именно западные страны стали доминировать в Новое время, можно предложить ответ, что среди многочисленных вариантов политического устройства (которые позволяют аккумулировать энергию обществ для общих достижений) был найден такой, который повысил способность этого общества организовывать ресурсы в тех исторических условиях, которые существовали на тот момент.

и восприятия [9]. Представлениями оперирует наш мозг, предполагая возможные последствия того или иного способа взаимодействия с реальностью.

Так мы снова возвращаемся к концепции тройственного мимесиса с его центральным этапом – конфигурацией (мимесис II), или «синтезом разнородного». Кто-то может отметить: почему равным образом характеризуется и проверка научных гипотез, и «измышление» нарративов? У нарративов и охватывающих законов общая функция но выполняют они ее по-разному. Разница проявляется во многих аспектах, но в контексте когнитивных наук важно то, что у них, вероятно, общее – общая функция в познании, состоящая в том, что они позволяют устанавливать взаимосвязи между отдельно взятыми фактами. И выдвижение научных гипотез, и выстраивание нарративной связности событий – это разного типа проявления синтезирующей способности мышления, равно помогающие нам повышать степень предсказуемости результатов деятельности субъектов разного уровня.

По словам И.В. Черниковой «Познавательные отношения в постнеклассической науке определяются открытостью когнитивного пространства, в котором саморазвивающиеся системы исследуются эволюционирующим субъектом» [10; 27]. Здесь указаны две очень важных характеристики, которые в исторических науках уже давно проявлялись, но не могли быть должным образом осмыслены, ввиду того что история изучает более сложные системы, чем природные (поскольку природные системы при всей своей сложности, не включают в себя все подсистемы человеческих сообществ), но в качестве образца долгое время использовала объяснительные схемы именно естественных наук. Возможно, сегодня для многих эти характеристики уже представляются само собой разумеющимися, но так было не всегда.

Первая из этих значимых характеристик состоит в том, что система, которую мы изучаем находится в состоянии постоянного изменения (но это не хаотичное непредсказуемое изменение), однако в разных ее подсистемах изменения происходят с разной скоростью. Поэтому исследующему разуму, ограниченному временем жизни человека, одни системы казались неизменными и предзаданными, а другие нестабильными и хаотичными. Мир

природы (особенно раньше) изменялся очень медленно, в отличие от подвижных человеческих сообществ, поэтому воспринимался как неизменный, его просто надо было изучить раз и навсегда. Однако сегодня мы понимаем, что все системы изменчивы, вопрос только во временном масштабе.

Вторая значимая характеристика, на которую лишь недавно стали обращать внимание – познающий субъект тоже эволюционирует, следовательно, его способы познания также изменяются. В том числе, мы эволюционируем под воздействием изменений системы, которую изучаем. Миллионы лет изменялись наши органы восприятия, тысячи лет формировался язык, которым люди смогли описать свой опыт и обменяться им, сотни лет изменялись понятия и категории – все это сегодня очевидно. Но что еще не вполне очевидно, изменяются наши представления об паттернах взаимосвязи между объектами и категориями.

Ключевым связующим понятием является деятельность. Стремление лучше контролировать результаты творческой деятельности приводит к развитию способов репрезентации будущего. Идея горизонта определяла построение всего изложения и выбор нарративных стратегий, которые так же все более детализировались, все более проявляя связи между действием и его последствиями.

История в контексте когнитивных наук

Таким образом, познание – это в том числе, инструмент выживания и адаптации. Где в таком случае, место исторического познания? Очевидно, сегодня для человека социальная среда является не менее значимым фактором выживания, чем природная. А социальная среда состоит уже не только из видимых объектов и так или иначе наблюдаемых процессов, но из институтов (ключевым определением которых являются ненаблюдаемые организующие принципы), находящихся в постоянном изменении и развитии. Более того, развитие это ускоряется. Объектом прогнозирования являются выбор профессии, долгосрочные инвестиции, капитальные вложения больших сообществ, климатические изменения и многие другие сложные, многофакторные процессы. Все они для анализа, для

принятия эффективных решений требуют достоверных данных о прошлых изменениях и адекватных паттернов (структурирующих принципов) интерпретации этих данных.

Функцию объединения разнородных факторов в сложную картину взаимных влияний, приводящих к общему результату, выполняет та мыслительная конструкция, которую мы привыкли называть нарративом. Иначе можно сказать, что нарратив – это один из способов репрезентации нашим мышлением сложных многофакторных процессов. История является подобной репрезентацией процессов на уровне социальных групп, которые также переходят к идее разумного расходования ресурсов, следовательно, стремятся более детально представлять последствия тех или иных действий.

Таким образом можно сделать вывод, что есть значительные перспективы в рассмотрении истории в контексте когнитивных наук. Во-первых, история сама может выступать как область когнитивных исследований, поскольку она может фокусироваться на изучении человеческого познания и мышления, своими методами изучая их развитие. Во-вторых, история сама может выполнять когнитивные функции, а именно выдвигается предположение, что история как способ познания прошлого может быть рассмотрена как осмысление опыта коллективных субъектов. Х. Патнэм предложил функциональное понимание психических явлений [11], то есть, как некоторой функциональной схемы обработки информации, которая не зависит от ее физического воплощения. Отсюда вытекает вывод, что понимание когнитивных механизмов может быть и не связано с изучением мозга. Можно посмотреть на историю в этом контексте, так как никаких логических препятствий к этому нет. Не исключено, что и когнитивные науки могли бы расширить свои методы, обратиться они к возможностям истории.

Литература

1. Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. №3. С. 29–42.
2. Сыров В.Н. Нарратив в историческом познании: о перспективах использования нарратологии. // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2020. №3. С. 113-135.

3. Данто А. Аналитическая философия истории. – М: Идея-Пресс, 2002.
4. Рикёр П. Время и рассказ Т.1. Интрига и исторический рассказ – М.-СПб.: Университетская книга, 2000.
5. Аникина А.Б. Миметический круг П. Рикёра как механизм репрезентации прошлого // Сибирский философский журнал. 2020. Т. 18. № 4. С. 130-144.
6. Матурана У., Варела Ф. Древо познания. М.: Прогресс-Традиция. 2001.
7. Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. Изд. 2-е – М.: ЭТС. 2000.
8. Поннер К. Эволюционная эпистемология. // Эволюционная эпистемология. Антология. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 110–133.
9. Веккер, Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. – М.: Смысл, 1998.
10. Черникова И.В. Эволюционная эпистемология как когнитивная практика постнеклассической науки // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2008. № 1(2). С. 16–28.
11. Патнэм Х. Разум, истина и история. – М.: Праксис, 2002.

References

1. Brokmeyer Y., Harre R. (2000). Narrativ: problem I obeschania odnoy alternativnoy paradigmi. [Narrative: the problems and promises of an alternative paradigm] Voprosy filosofii. [Questions of Philosophy], 3, 29–42.
2. Syrov V.N. (2020). Narativ v istoricheskom poznanii: o perspektivah ispolzovania naratologii. [Narrative in historical knowledge: on the prospects of using narratology]. Filosofia. Zurnal visshey shkoly ekonomiki. [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics], 3, 113-135.
3. Danto A. (2002) Analiticheskaya filosofia istorii [Analytic philosophy of history]. Moscow: Idea-Press.
4. Ricker P. (2000). Vremia I rasskaz V.1. Intriga I istoricheskiy rasskaz [Time and story Vol. 1. Intrigue and historical narrative] Moscow, Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.
5. Anikina A.B. (2020). Mimiticheskiy krug P. Rickera kak mechanism representacii proshlogo [P. Ricoeur's mimetic circle as a mechanism for representing the past]. Sibirskiy filosofskiy zurnal [Siberian philosophical journal], 18, 4, 130-144.

6. *Maturana U., Varela F.* (2001). *Drevo poznanja*. [Tree of knowledge]. Moscow: Progress-Tradition.

7. *Turchin V.F.* (2000). *Fenomen nauki: kiberneticheskiy podhod k evolucii*. [Phenomenon of science: the cybernetic approach to evolution]. Moscow: ETC.

8. *Popper K.* (2012) *Evolutionnaya epistemologia*. [Evolutionary epistemology]. *Evolutionnaya epistemologia. Antologia*. [Evolutional epistemology. An anthology]. Moscow: Center of humanitas discilines, 110–133.

9. *Vekker L.M.* (1998). *Psihika I realnost: edinaya Teoria psihicheskikh processov*. [Psyche and reality: a unified theory of mental processes] Moscow: Sence.

10. *Chernikova I.V.* (2008). *Evolutionnaya epistemologia kak kognitivnaya praktika postneklasicheskoy nauki*. [Evolutionary epistemology as a cognitive practice of post-non-classical science]. *Vistnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofia. Sociologia. Politologia*. [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 1(2), 16–28.

11. *Putnam H.* (2002). *Razum, istina, istoria*. [Reason, truth and history] Moscow: Pracsys.

Информация об авторе

Аникина Александра Борисовна – кандидат философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1).

a.anikina@g.nsu.ru

Information about author

Alexandra Borisovna Anikina – PhD, Novosibirsk State University (1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090).

a.anikina@g.nsu.ru

Дата поступления 25.09.2025

Принята к публикации 23.12.2025